

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

ЧЕЛОВЕК В ОБЪЁМЕ МИРОЗДАНИЯ

В конце двадцатых годов прошлого века заметной фигурой в культурной жизни Воронежа стал недавний выпускник Воронежского университета Николай Романов. Он писал стихи, подавал надежды как художник, великолепно играл на пианино и скрипке и даже немного сочинял музыку. А ещё организовал в городе первый астрономический кружок, где всем желающим рассказывал о таинстве далёких звёзд, по ночам показывая их в телескоп, установленный прямо на крыше его дома... У него было множество поклонниц, ещё больше друзей и ничуть не меньше недоброжелателей, с завидным постоянством сообщавших во все советские учреждения, что этот красивый и утонченный юноша является полным тёзкой последнего русского императора – а это, сами понимаете, был уже прямой вызов государству рабочих и крестьян.

Между тем «царский тёзка» Николай Александрович Романов происходил из весьма почтенной воронежской семьи. Его мать, Клавдия Ивановна, была замечательной пианисткой, выпускницей Московской консерватории, а отец, Александр Антонович, – знаменитым в городе детским врачом, имевшим до революции собственный дом на Большой Дворянской, у Михайловских часов (сейчас это левая часть здания на проспекте Революции, 45/47). Здесь

Николай Романов.
Воронеж, 1928 год

доктор Романов открыл образцовый приют для подкидышей, и всех безымянных младенцев мужского пола именовал так же, как и собственного сына, – Николаями, записывая при этом каждого из них на свою фамилию. Когда в Воронеже появилось существенное количество полных тёзок царствующей особы, к доктору Романову пришла полиция. Александр Антонович отверг все обвинения в глумлении над личностью императора, объяснив свои действия исключительной преданностью престолу.

После революции доктор Романов передал свой дом городу, остался в нём жить и заведовать приютом. Любопытно, что когда в Воронеже появился университет, Александра Антоновича стали усиленно звать на работу в университетскую клинику. Он отказался, поскольку

заведовать клиникой должен был другой человек, а подчиняться кому-либо доктор Романов не привык.

А вот его сын в университет пришел.

Николай Романов оказался в числе едва ли не самых первых выпускников ВГУ: в 1924 году он окончил здесь физико-математический факультет. Университету Николай Александрович посвятил несколько стихов (их вы найдете в подборке), есть страницы об alma mater и в его воспоминаниях «История одного искания». В одном из сюжетов этой неоконченной рукописи автор рассказал о слу-

чае, косвенным образом определившем его жизненную судьбу:

«В один из осенних вечеров 1924 года, когда дождевые капли лениво сползали по оконным стеклам, в ярко освещенной математической аудитории университета шла лекция по курсу теории вероятностей. Лекцию читал профессор Антон Казимирович Сушкевич. Это был небольшой полный человек с явно выраженным брюшком, с круглой бритой головой, в роговых очках. Всей своей фигурой он чем-то напоминал пастора.

– Итак, – говорил профессор своим суховатым, как бы каркающим голосом, – если в урне находятся два белых и три чёрных равных по величине и одинаковых на ощупь шара, то вероятность появления белого шара при вынимании шара наудачу из урны будет равна $2/5$, вероятность же появления чёрного шара при тех же условиях будет равна $3/5$. В общем случае, когда в урне находятся m белых и n чёрных шаров, вероятность появления белого шара при вынимании шара наудачу исчисляется правильной дробью

$$\frac{m}{m+n}.$$

– Откуда эта формула? – перебивая профессора, неожиданно для самого себя спросил один из студентов, сидящий за вторым столом. – На основании чего мы её принимаем?

– Ну, знаете... – тут профессор немного замялся, – если мы будем задавать подобные вопросы... – здесь он нервно повертел кусочком мела, который держал в руках... – ведь эта формула ясна по здравому смыслу. Она не требует доказательств. Всё это очевидно, – закончил он немного резко (видимо, этот разговор был ему неприятен).

И, повернувшись к доске, своим обычным суховатым тоном продолжал развивать свои выкладки...

Задавший вопрос профессору студент молчал. Ему было одновременно и неловко, и обидно, и ещё какое-то третье неясное чувство смутно волновало его. Это третье – было чувство логической законности поставленного им вопроса...

Столь неудачно полюбопытствовавшим студентом был автор настоящих строк».

Так Николай Александрович Романов впервые пришел к мысли о том, что основная формула теории вероятностей не имеет, по сути, никакого теоретического обоснования.

Он продолжал писать стихи, рисовать картины, наблюдать за звездами, сочинять и исполнять музыку, но не думать о поразившей его загадке уже

не мог. После ВГУ он преподавал физику в автодорожном техникуме, потом в Воронежском инженерно-строительном институте, где вскоре получил кафедру, а тот нерешенный в студенческой аудитории вопрос никак не выходил у него из головы.

Прочтя все современные научные статьи по интересующей его теме, Николай Александрович пришел к убеждению, что в СССР наиболее близко к раскрытию тайны формулы теории вероятностей приблизился академик И.П. Павлов в своих последних опытах.

Романов пишет ему письмо, где излагает свои мысли и гипотезы, и академик находит идеи воронежского физика весьма любопытными. Вскоре в журнале Академии наук выходит первая научная работа воронежского учёного – «О возможности контакта между теорией вероятностей и учением академика И.П. Павлова об условных рефлексах». А в ноябре 1932 года в Воронеж приходит письмо директора Всесоюзного института экспериментальной медицины: «...согласно просьбе академика И.П. Павлова нами возбуждено ходатайство перед Наркомтяжпромом об откомандировании Н.А. Романова на работу к академику Павлову, который крайне заинтересован применением математического метода в физиологии высшей нервной деятельности».

Так выпускник ВГУ стал одним из ближайших сотрудников основателя учения о высшей нервной деятельности и, между прочим, первым математиком, появившимся в Колтуши – столице мировой физиологии. Николая Александровича здесь так и называли – «математизатор условных рефлексов». Создатель знаменитой московской математической школы академик-математик Н.Н. Лузин в те годы писал: «Романову принадлежит заслуга первого действительного систематического обследования основных начал математики... в свете гениальных идей и гипотез Ивана Петровича Павлова». Романовым, продолжал академик, «сделан первый действительно серьезный шаг в обосновании основной формулы вероятностей с помощью соображений, опирающихся всецело на теорию условных рефлексов».

Главы из воспоминаний Н.А. Романова впервые были опубликованы в начале 1970-х в популярном в ту пору альманахе «Прометей». В предваряющем публикацию тексте особо подчёркивалось, что «есть много доказательств того, как сам Павлов высоко ценил своего молодого сотрудника. Об этом свидетельствуют не только отзывы великого учёного, но и фотодокументы: Нильс Бор в гостях у Павлова – при разговоре присутствует Романов, Павлов

принимает Герберта Уэллса – в беседе участвует Романов и т.д.».

Там же сообщалось, что уже после первых опытов в институте Павлова воронежский математик изменил свой первоначальный замысел – «он занялся содержательной и интересной задачей – выяснением того, как животное формирует определённые реакции на появляющийся случайно с заданной вероятностью раздражитель».

«Опыты такого рода через десятки лет получили в США большое развитие под названием “стохастической теории обучения”, ставшей существенной частью кибернетики, – размышлял над научным наследием нашего земляка один из основоположников современной теории вероятностей академик А.Н. Колмогоров. – Именно в этом смысле можно считать, что Н.А. Романов предвосхитил одно из направлений позднейших работ по кибернетике».

К сожалению, научные разработки Николая Александровича Романова остались незавершёнными. Голодной военной осенью 1943 года прямо во время лекции у него внезапно остановилось сердце.

Учёному не было и сорока лет...

...А за несколько дней до смерти он записал в дневнике: «Я вполне овладел французским и немецким языками – так что красоты классиков иностранной литературы для меня теперь открыты. Это целый новый для меня мир!...»

* * *

*Когда в прощальную зарю
Усталой кровью сердце брызнет,
Я ширь степей благодарю
За день и свет мелькнувшей жизни.*

Стихи Николай Романов писал всю свою недолгую жизнь. Особенно бурно – в молодые воронежские годы. («В те дни я был немножко поэтом. Кто из нас в своё время не грешил этим?» – признавался он в своих воспоминаниях). Однако опубликовать их под собственной фамилией он не мог: ни одно советское издание не соглашалось печатать текст, под которым стояло бы полное имя последнего царя. Тогда юноша придумал себе псевдоним от сокращённого варианта девичьей фамилии матери – Юрьева. Так в Воронеже появился поэт Николай Юр.

Под этим именем в 1930 году в издательстве «Коммуна» тиражом 2 150 экземпляров вышла 48-страничная стихотворная книжечка «Мой век».

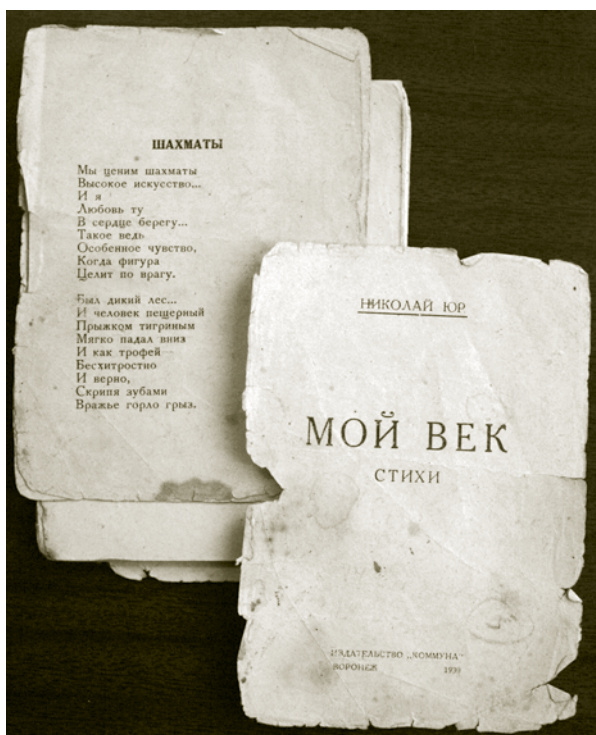
Тогда был самый разгар сталинского «великого перелома», когда классовая борьба в стране обострилась до предела. Люди жили только для будущего. В настоящем для них жизни не было. Потому что настоящее состояло из врагов, которые были не только извне, но и внутри страны.

Этих врагов надо без усталости находить и уничтожать...

Нильс Бор в гостях у И.П. Павлова. Сидят: И.П. Павлов, Н. Бор, супруга Бора Маргарет. Стоят сотрудники И.П. Павлова: второй слева – Н.А. Романов, справа от него – младший сын И.П. Павлова Всеволод

Так вот: подобных тем в стихах Николая Юра нет. Его лирика о другом:

*Читатель мой!
Не обвиняй за то,
Что я вошел
К тебе
Незванным гостем.
Идём... Идём...
Надень свое пальто,
Смотри,
Как звёзды
Рассыпает осень!..*

Мир Николая Юра был демонстративно аполитичным. В нём царствовала музыка иных сфер, которую поэт, обладавший безупречным музыкальным слухом, часто находил в разных окружающих его предметах.

Сохранилось свидетельство, как Николай Романов, уже в пору работы его у академика Павлова, однажды в доме знаменитого художника М.В. Нестерова, глядя на картину, висевшую на стене, вдруг произнес: «Когда я смотрю на неё, то слышу Двенадцатый этюд Скрябина». Услышав это, старый художник заплакал: «Вы единственный, Коля, кто заметил это... А ведь я писал картину именно под эти звуки...»

*Для наших пальцев
Полет мгновений
Неуловим.
Мы только смотрим,
Смеясь и плача,
Вдогонку им...
Но тихим снегом
Уронит осень
Через стекло
Лишь странный шёпот
О том, что в мире
Уже прошло.*

Конечно, его стихи наполнены романтикой. Не революционной, модной в ту пору («Нас водила молодость в сабельный поход...» – помните?), а подлинной, образующей при любых диктатурах своеобразный люфт свободы от реальности. И с этой территории условной свободы поэт говорил о своём времени:

*Умрёт закат, отбросив сквозь туманы
Отраженье раненой земли.
И мы поймем, что есть на свете страны,
Иных времён и странствий корабли.*

Общий купол необъятного неба над раненой землёй – образ, объединяющий лирику Н. Юра. В его основе – вера автора в правду ищущего человека, познающего тайны природы, невзирая на возведенные политиками границы.

*... И хорошо потом брести «домой»,
Остановившись где-нибудь на косогоре,
Чтоб звёзды над собой пересчитать
И вновь собрать! И вновь кругом рассыпать!
И жадными ладонями – всю пыль полей,
Всю раскалённость мыслей –
Всё донести!..*

...Книга Н. Юра «Мой век» взорвала Воронеж. Приговор прозвучал со страниц «Коммуны»:

«Николай Юр как поэт является выразителем психоидеологии той части технической интеллигенции, которая, продолжая оставаться чуждой делу пролетариата на четырнадцатом году Октябрьской революции, продолжает считать себя “солью земли” <...> Из рядов таких “аполитичных спецов” рекрутировались активные вредители, члены контрреволюционной организации, типа так называемой “Промышленной партии”».

Очень скоро Николай Александрович Романов навсегда покинул родной Воронеж.

Ни одна принадлежащая поэту стихотворная строчка больше не была напечатана при его жизни.